

Герасимова Инна Владимировна

**СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ
АНАЛИЗ ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ В
СТАРОРУССКОЙ ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ XV-XVII ВЕКОВ**

Специальность 10.02.01. – Русский язык

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Нижний Новгород - 2009

Работа выполнена на кафедре истории русского языка и сравнительного славянского языкознания ГОУ ВПО “Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского”

Научный руководитель: кандидат филологических наук, доцент
Рылов Станислав Александрович

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Терентьева Елена Витальевна
кандидат филологических наук, доцент
Самойлова Галина Савельевна

Ведущая организация: ГОУ ВПО “Казанский государственный университет”

Защита состоится “17” декабря 2009 г. на заседании диссертационного совета ДМ 212.166.02 при ГОУ ВПО “Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского” (603000, г. Нижний Новгород, ул. Б. Покровская, 37, ауд. 312).

С диссертацией можно ознакомиться в фундаментальной библиотеке ГОУ ВПО “Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского” (603950, г. Нижний Новгород, ГСП – 20, пр. Гагарина, 23).

Автореферат разослан “11” ноября 2009 г.

Ученый секретарь диссертационного совета

И. С. Юхнова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования претеритарной системы в истории русского языка обусловлена тем, что, по мнению ряда ученых, историческая морфология глагола изучена не столь полно и разносторонне, как морфология имени. Причина этого – в недостаточности сведений о «чисто формальной стороне изменения, о соотношении между функциональным и стилистическим использованием глагольных форм в древнерусском языке» [Колесов 1976: 75]. Это в полной мере относится и к глагольным формам прошедшего времени в старорусской речи.

Анализ претеритарной системы старорусского языка предполагает многоаспектное исследование и включает в себя, во-первых, *синхронно-диахронный подход* к изучению глагольных форм прошедшего времени [Терентьева 2008, Улуханов 1992, Балалыкина 2001, Дмитриева 2005], который состоит, с одной стороны, в изучении различных элементов этой системы, их активности и структурно-семантического своеобразия на отдельных синхронных срезах истории русского языка, а с другой – в динамике анализируемых языковых элементов от одного хронологического среза к другому. Во-вторых, немаловажным оказывается *функциональный аспект* изучения претеритарной системы старорусского языка, предполагающий исследование функционирования глагольных форм и эволюции их функционирования с учетом как качественных, так и количественных характеристик форм в текстах разной жанрово-стилевой принадлежности [Аверина 1990, Маркасова 1990, Колесов 1990, Тарланов 1990]. Наконец, в рамках настоящего исследования особое внимание уделяется *лексико-грамматическому аспекту*, направленному на исследование содержательной стороны претеритарных форм – с опорой на семантическую реализацию глагольного слова в старорусском тексте [Терентьева 2008]. Все эти аспекты, на наш взгляд, требуют всестороннего

углубленного исследования и пока не нашли в исторической морфологии русского языка однозначного решения.

Основное направление изменений претеритарной системы в истории русского языка, выразившееся в постепенной утрате простых форм прошедшего времени параллельно с утверждением перфекта в качестве единственной и универсальной претеритарной формы, способной передавать различные оттенки прошедшего действия, в целом признается вполне ясным и не вызывает сомнения. Общий путь развития форм прошедшего времени требует скорее конкретизации и установления этапов этой эволюции, а также определения причин, времени и последовательности утраты отдельных форм прошедшего времени, исконно присущих древнерусскому языку и отразившихся в памятниках [Иванов 1982]. Недостаточно освещенным представляется важный вопрос о самом *механизме* процесса разрушения системы прошедших времен глагола. В частности, не уделяется должного внимания анализу “ошибок” в функционировании временных глагольных форм, т.е. случаев утраты ими важнейших структурно-семантических свойств.

Объектом изучения в настоящей диссертации является система глагольных форм прошедшего времени в старорусской письменной речи XV-XVII вв.

Предмет исследования – структурные, семантические особенности глагольных форм прошедшего времени и функционирование претеритарных форм в старорусских текстах XV-XVII вв. разной жанрово-стилевой отнесенности.

Цель работы – на основе разноаспектного синхронно-диахронного подхода описать структурно-семантические особенности функционирования претеритов в старорусской письменной речи XV-XVII вв.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих **задач**:

1. Осветить существующие в современной науке подходы к вопросам развития претеритарной системы в истории русского языка: проблему

хронологии процесса унификации многокомпонентной системы глаголов прошедшего времени, его причины, основные механизмы перестройки претеритарной системы.

2. Получить количественные данные о соотношении претеритарных глагольных форм и их функционировании в житийных, художественно-повествовательных и деловых текстах XV-XVII вв.; на основании полученных данных установить речевые частотные нормы, характеризующие функционирование претеритов в старорусской письменной речи XV-XVII вв. разной жанрово-стилевой отнесенности как в синхронном, так и в диахронном плане.

3. Выявить в анализируемых памятниках случаи незакономерного (“неправильного”) употребления глагольных форм прошедшего времени в их контекстном окружении (смещения, “колебания” в процессе функционирования форм претеритов). Попытаться определить “удельный вес” этих аномалий, условия и причины их появления в текстах.

4. Провести анализ форм прошедшего времени с точки зрения особенностей грамматической семантики претеритов, а именно: “исконное” значение / “неисконное” грамматическое значение, т.е. возникшее за счет дополнительной семантической нагрузки при перераспределении форм прошедшего времени внутри претеритарной системы.

5. Дать аспектуальную характеристику выявленных глагольных форм прошедшего времени в старорусских памятниках XV – XVII веков.

6. Предпринять лексико-семантический анализ претеритарных глагольных форм в агиографических, художественно-повествовательных и деловых текстах XV-XVII веков на основе распределения всех глагольных форм прошедшего времени по функционально-семантическим полям действия, состояния, отношения.

7. Попытаться выявить основные линии взаимосвязи различных параметров старорусской претеритарной системы: а) речевой активности форм прошедшего времени; б) их структурно-грамматических особенностей

в контекстном окружении; в) своеобразия грамматической семантики форм; г) их аспектуальных характеристик; д) лексико-семантического наполнения глагольных форм прошедшего времени.

Источники исследования. Материалом для наблюдений и анализа послужили тексты разной жанрово-стилевой отнесенности: агиографические, художественно-повествовательные и деловые, представленные на трех хронологических срезах истории русского языка – XV, XVI, XVII вв. Ограничение хронологическими рамками XV – XVII вв. обусловлено принципиальной важностью старорусского периода в истории русского языка. Развитие литературного языка на этом этапе становится более бурным, динамичным, взаимодействие различных, некогда четко отграниченных друг от друга жанровых стихий и стиливых пластов протекает активнее; прослеживаются заметные изменения как на уровне текстовом, так и на собственно языковом уровне.

Среди *агиографических памятников* XV-XVII веков привлекались тексты, относящиеся к жанру жития. Выбор житийных памятников определен максимальным соответствием привлеченных для анализа текстов установленным канонам агиографического жанра. Ряд анализируемых агиографических источников представляет собой рукописи, хранящиеся в фундаментальной библиотеке ННГУ им. Н.И. Лобачевского и Российской государственной библиотеке.

Художественно-повествовательные памятники представлены жанром повести. В отличие от анализируемых житий, где наличие строгого агиографического канона позволяет свести художественное многообразие всех текстов к определенному набору базовых характеристик жанра, рассматриваемые повести отличаются известной пестротой стилеобразующих элементов и допускают возможность внутреннего размежевания, функционально-стилевой модификации. В связи с этим только хронологическая отнесенность текстов повестей к тому или иному

интересующему нас временному отрезку (XV-XVII вв.) является решающим фактором при выборе их в качестве источников настоящего исследования.

Деловые памятники представлены старорусскими текстами официального, правового содержания, находящимися в сборниках деловых документов: “Грамотах Двинского уезда” (далее ДВГ), “Актах социально-экономической истории северо-восточной Руси” (далее АСЭ), “Актах Московского государства” (далее АМГ), “Актах исторических, собранных и изданных Археологической комиссией” (далее АИ). В силу общности их морфологических особенностей деловые документы рассматривались нами недифференцированно.

Методологической основой исследования являются выработанные наукой принципы *системности* и *историзма* в изучении языковых явлений. Решение поставленных исследовательских задач потребовало применения совокупности различных лингвистических методов и частных методик изучения языковых явлений. Основным методом исследования явился *описательный метод*, направленный на качественный анализ состава, семантики и функционирования претеритарных форм в исследуемых памятниках. В связи с этим были использованы такие средства научного познания, как *наблюдение, описание и сопоставление*. Характеристика грамматического значения претеритарных форм осуществлялась путем *функционально-семантического анализа*, состоявшего в детальном обследовании контекстов употребления форм с целью выявления возможности реализации в них, с одной стороны, “исконных” значений форм – характерных для исходной претеритарной системы – и значений “неисконных”, т.е. дополнительных семантических нагрузок, с другой.

Количественные характеристики употребления глагольных форм прошедшего времени получены с применением *вероятностно-статистической методики*, разработанной Б.Н. Головиным и скорректированной применительно к истории русского языка Н.Д. Русиновым.

На основе всех извлеченных из текстов случаев употребления претеритарных глагольных форм были сформированы отдельные выборки, отражающие употребительность глагольных форм прошедшего времени в текстах каждого стиля, на каждом рассматриваемом временном срезе. Общее количество употреблений форм претеритов составило: по агиографическим текстам – 4659, по художественно-повествовательным памятникам – 3387, по деловым документам – 2758. Таким образом, всего по текстам XV-XVII вв. было выделено и подвергнуто анализу 10804 словоупотреблений форм прошедшего времени.

Научная новизна исследования состоит в том, что в нем впервые на основе синхронно-диахронного подхода осуществлен комплексный анализ старорусской претеритарной системы, направленный на установление линий взаимосвязи различных параметров описания этой системы – как количественных, так и качественных (структурно-грамматический, аспект грамматической семантики, лексико-семантический и видовой параметры). При этом на материале старорусских памятников письменности впервые осуществлен лексико-семантический анализ распределения грамматических форм по функционально-семантическим полям. Детальному обследованию подвергаются встретившиеся в старорусских текстах “ошибки” в функционировании претеритарных форм, выявляются структурные аномалии претеритов, дается их классификация, определяются условия и причины их появления в текстах, интерпретируются семантические изменения претеритов. Наконец, ряд взятых для анализа в диссертации агиографических памятников ранее не был изучен в плане функционирования грамматических форм претеритов. Среди них: “Житие митрополита Алексея” (XV в.), “Житие Дмитрия Прилуцкого” (XV в.), “Житие Иоанна, архиепископа Новгородского” (XV в.), “Житие Артемия Веркольского” (н. XVII в.), “Житие и подвиги игумена Адриана Пошехонского и старца Леонида” (XVII в.) и др.

Теоретическая и практическая значимость работы.

Полученный в работе обширный фактический материал является базой для решения теоретических проблем эволюции претеритарной системы русского языка: установления хронологии, причин, самого механизма ее унификации в памятниках письменности, а также применим при разрешении вопросов исторической стилистики русского языка.

Основные результаты диссертационного исследования могут быть использованы в практике вузовского преподавания лекционных курсов по исторической грамматике русского языка, истории русского литературного языка, а также при разработке и чтении спецкурсов по исторической морфологии и исторической стилистике.

Положения, выносимые на защиту:

1. Старорусская претеритарная система XV-XVII вв. претерпевала существенные изменения как в качественном, так и в количественном отношении, причем эти изменения неодинаковы в памятниках разной жанрово-стилевой отнесенности.

2. Инвариантные семантические компоненты глагольных форм прошедшего времени, характеризующие действие с точки зрения способа его протекания, в процессе функционирования претеритов в старорусской речи осложняются некоторыми контекстуальными признаками, а именно: хронологическая соотнесенность действий по отношению к заданной точке отсчета, смысловая соотнесенность действий, символические коннотации и др. Под влиянием господствующего в контексте темпорального фона, фонетической аналогии, а также специальных лексических актуализаторов претериты нередко “превышают” свою функциональную нагрузку и употребляются в контекстах других форм прошедшего времени – “на равных” с исконными претеритами.

3. В старорусской речи простые претериты устойчиво коррелируют с современными основами совершенного вида (формы аориста) и несовершенного вида (формы имперфекта). Данное соотношение базируется на трех аспектуальных признаках: предельность / неопределенность,

длительность / недлительность, кратность / некрatность обозначаемых действий. На этом фоне нейтральные в видовом отношении формы перфекта выступают своеобразными аналогами одновременно и аористных, и имперфектных форм.

4. В структуре претеритов наблюдается взаимосвязь лексических и грамматических компонентов, которая проявляется неодинаково в старорусских памятниках разной хронологической отнесенности: в XV веке претеритарные формы обнаруживают тяготение к определенному функционально-семантическому полю (аорист – к глаголам действия, имперфект – к глаголам состояния, перфект – к глаголам отношения); в старорусской речи XVI и XVII вв. прослеживается тенденция к грамматической десемантизации тех претеритарных форм, которые образуются от глаголов нерелевантных им функционально-семантических полей.

5. По характеру функционирования форм прошедшего времени книжно-письменные (агиографические и художественно-повествовательные) памятники, с одной стороны, и деловые документы, с другой, дифференцируются на всем временном промежутке XV-XVII вв. Жанрово-стилевое разграничение житий и повестей отчетливо обнаруживается в старорусской речи XVI века, когда происходят коренные изменения в активности форм, их структуре и семантическом распределении. Художественно-повествовательные тексты занимают особое, “срединное” положение в рамках рассматриваемого текстового массива. Они объединяют разнонаправленные тенденции, идущие от двух других рассматриваемых стилей: 1) стремление к строгому соблюдению языковых законов, письменной традиции (агиографический стиль); 2) отражение устной речевой стихии (деловой стиль).

Апробация работы. Основные положения и результаты исследования были представлены в докладах на всероссийских, международных и вузовских конференциях в гг. Владимире (2007), Нижнем Новгороде (2007),

Арзамасе (2006), Тамбове (2007), XI и XIII нижегородских сессиях молодых ученых (Н.Новгород, 2007, 2008), межвузовском семинаре молодых ученых (Н.Новгород, 2009); обсуждались на заседаниях кафедры истории русского языка и сравнительного славянского языкознания ННГУ им. Н.И. Лобачевского, а также отражены в 8 публикациях.

Структура работы определена поставленными целью и задачами, а также характером объекта и предмета изучения. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, сопровождается библиографическим списком и списком источников исследования.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность исследования, формулируются его объект и предмет, цель и задачи работы, дается характеристика источников исследования, описываются методы и методика работы, определяются научная новизна, теоретическая и практическая значимость проведенного исследования.

Первая глава – “Структурно-функциональный анализ глагольных форм прошедшего времени в старорусских памятниках XV-XVII вв.” – состоит из трех разделов. В *первом* разделе освещается история разработки в науке проблемы хронологии унификации многокомпонентной системы претеритов, дается теоретическое обоснование процесса утраты вспомогательного глагола в структуре перфектной формы, а также структурно-грамматических изменений простых претеритарных форм. В соответствии с этим формулируются исходные теоретические положения исследования, на основе которых в работе осуществляется структурно-грамматический анализ претеритарных форм:

1) формы аориста, с одной стороны, еще характеризовали живую старорусскую речь, отраженную в деловых документах XV века, а с другой – продолжали довольно активно (наряду с формами имперфекта) употребляться в книжно-письменных памятниках вплоть до XVII столетия.

При этом в процессе речевого функционирования существенно изменялось частотное соотношение форм прошедшего времени;

2) в древнерусском языке до XV века происходила нейтрализация флексий аориста и имперфекта при сохранении четкого противопоставления окончаний 3-го лица;

3) результатом разрушения системы простых претеритов в плане выражения явились утрата формами аориста и имперфекта согласования с подлежащим в лице и числе, а также смешение форм множественного числа аориста (на -ша) и единственного числа имперфекта (на -ше);

4) функциональная “редукция” вспомогательного глагола в составе перфекта отмечается уже в текстах XI-XII вв. и продолжает оставаться актуальной вплоть до XVII века.

Второй раздел посвящен выявлению степени активности претеритарных форм в старорусских текстах XV – XVII вв. разной жанрово-стилевой отнесенности и речевых частотных норм функционирования в них форм прошедшего времени. В *третьем* разделе подробно рассматриваются аномальные глагольные формы прошедшего времени – т. е. претеритарные формы, неправильно употребленные по какому-либо грамматическому признаку. Речь идет об утрате претеритарными формами важнейших синтагматических свойств, “ошибках”, колебаниях в согласовании претеритов с подлежащим в лице и числе. Особое внимание уделяется употреблению вспомогательного глагола в структуре перфектных форм.

Анализ результатов, полученных в главе I, показывает следующее:

1. Применяемая в работе вероятностно-статистическая методика дает возможность выявить *речевые частотные нормы* функционирования претеритов. Полученные частотные нормы позволили установить как особенности употребительности претеритов на каждом синхронном срезе, так и динамику их функционирования в старорусской речи с XV по XVII вв.

2. Влияние письменной традиции на отбор глагольных форм прошедшего времени, на их активность в старорусской речи XV-XVII вв.

является неодинаковым на каждом временном срезе и оказывается зависимым от жанрово-стилевой принадлежности текста. Наиболее сильным это воздействие оказывается в старорусских *книжных* памятниках XV века. В житиях и повестях этого периода наблюдается сходная иерархия в речевом функционировании форм в рамках четырехкомпонентной претеритарной системы: господствующий в речи аорист (его доли в агиографических и художественно-повествовательных памятниках составляют соответственно 0,752 и 0,705 по отношению к общему количеству данной претеритарной формы) ↔ имперфект, занимающий второе место по речевой активности (доли – 0,236 и 0,265) ↔ редкоупотребительный перфект (доли – 0,011 и 0,022) ↔ единичные случаи функционирования плюсквамперфекта. На данном хронологическом срезе агиографические и художественно-повествовательные тексты в силу общности не только состава форм, но и частотных характеристик претеритов могут рассматриваться как единый массив книжно-письменной речи. Близость житий и повестей XV века по многим параметрам становится основанием для отграничения книжных памятников от деловых текстов. В деловых документах XV века не действует такая мощная сдерживающая сила, как книжно-письменная традиция, и, соответственно, элементы живого языка – формы перфекта, массово представленные в актах и грамотах уже в XV веке, проникают в деловые тексты непосредственно из разговорной речи. Отметим, что речевой строй деловых памятников XV века, хотя и изобилует формами перфекта, все же не столь однообразен, как в деловых документах XVI и XVII вв., поскольку в актах и грамотах XV века наряду с перфектными употребляются и формы аориста.

Влияние письменной традиции на книжные памятники в XVI в. несколько ослабевает, поскольку на этом временном срезе она в разной степени воздействует на агиографические, с одной стороны, и художественно-повествовательные тексты, с другой. При сохранении четкой иерархии форм наблюдаются существенные изменения в их речевом

функционировании. Форма аориста оказывается наиболее активной в житиях, а имперфектные и перфектные формы – в повестях XVI века. На фоне количественных преобразований функционирования претеритов в книжных текстах существенные изменения происходят в речевой структуре деловых документов XVI века: выходит из речевого употребления аорист, а форма перфекта становится универсальной.

В старорусских книжно-письменных текстах XVII в. происходят значительные изменения в функционировании претеритарных форм, что приводит к разрушению в художественно-повествовательных памятниках отмечаемой в речи XV-XVI вв. строгой иерархии форм. Статус малоупотребительной формы приобретает имперфект, а активность формы перфекта (доля – 0,461) возрастает настолько, что почти сближается с активностью аористой формы (доля – 0,514). Существенно возрастающая от века к веку доля перфектных форм (а среди них – перфектов без связки) в целом отличает оба вида книжно-письменных памятников, однако в повестях обнаруживается определенное тяготение к соответствующим показателям деловых документов. В этом заключается “уникальность” положения художественно-повествовательных памятников в анализируемом массиве старорусских текстов – отбор языковых средств в них осуществляется в направлении “от нормы – к аномалии”.

3. Структурно-грамматический анализ претеритарной системы, представленной в старорусской речи XV-XVII вв., позволяет заключить, что не только показатели активности форм разграничивают речевые разновидности памятников XV-XVII вв., но и синтагматические особенности их функционирования в текстах. Процесс изменения важнейших структурно-грамматических свойств претеритов в старорусской речи носит характер *универсального*, т.е. распространяется на все формы прошедшего времени, извлеченные из старорусских текстов XV-XVII вв.: как синтетические, так и аналитические. При этом выделяются общие, т.е. характерные одновременно для нескольких памятников, тенденции в смещении форм прошедшего

времени: 1) смешение в третьем лице претеритарных форм множественного и единственного числа: **По отпэнии же надгробномъ благовэрныи же великыи князь Дмитреи Иоанович своима рукама свято его тело гробу предаша** (ЖАМ, XV в.); 2) смешение в единственном числе претеритарных форм первого и третьего лица **въ лэто 5803 царствующу Константину Флавию собрах христиан нача укрепляти и разширяти веру христьянскую** (ПВЦ, XV в.) или **Святыи Артемии услысахъ моление и слезы человека и дарова ему исцеление** (ЖАВ, XVII в.); 3) смешение в пределах контекста претеритарных форм 3 лица множественного (или двойственного) числа с формами 1 лица единственного числа: **Вестницы же прибэжах ис полоцка** (ПСБ, XVI в.) или **Преподобнии отцы Андреанъ и Леонидъ поставихъ образ пречистые богородицы на велики дубъ потомъ же преподобнии шествие творяху** (ЖАП, XVII в.); 4) смешение в 1 и 3 лице форм двойственного и множественного числа: **Wтець же его и мати начаша кричати wU радости** (ЖЗС, XVI в.) или **Царь же и царица радости быша и паки пожаловаста того нэмчина** (ПВК, XVII в.).

4. При описании претеритарной системы старорусского языка структурно-грамматические преобразования форм рассматриваются во *взаимосвязи* с изменениями общей активности претеритарных форм. Именно зависимость преобразований в структуре форм от частотных характеристик претеритов, отчетливо проявляющаяся в старорусских памятниках XVI и XVII вв., рельефно отображает ослабление воздействия письменной традиции на художественно-повествовательные тексты. В повестях она регулирует сам отбор претеритарных форм, но уже допускает определенные “колебания”, смешения в процессе их непосредственного функционирования. Так, на основании степени активности и структурно-грамматических особенностей форм имперфекта в художественно-повествовательных памятниках XVI-XVII вв. устанавливается следующая закономерность: чем выше активность формы, тем более она подвержена структурно-

грамматическим преобразованиям (аномалиям); напротив, редкое привлечение претеритов способствует их “правильному” (регулярному) функционированию.

В старорусской речи XVII века данная закономерность распространяется и на агиографические памятники, где при общей высокой активности аористных форм аномальные преобразования довольно широко распространяются и на аорист.

Функционирование перфектных форм в рассматриваемых старорусских памятниках регулируется закономерностью, которая, вслед за В. Мончаком, может быть сформулирована следующим образом: чем выше активность языкового элемента, тем ярче проявляется тенденция к его линейному сокращению (уменьшению числа фонемных единиц в слове, слов – в словосочетании) [Мончак, 1987]. Последовательное возрастание активности перфектных форм в житиях и повестях XV-XVII веков приводит к существенным преобразованиям в структуре данной формы, выразившимся в почти абсолютном преобладании бессвязочных образований в текстах XVII века.

На основе установленной взаимосвязи степени активности формы и ее структуры во всем анализируемом текстовом массиве книжно-письменных памятников XV-XVII вв. можно выделить т.н. “сильные” позиции форм. Это формы аориста и имперфекта в старорусской письменной речи XV века: они отличаются высокой частотностью и при этом допускают минимальное количество “колебаний” (аномалий) в процессе непосредственного функционирования. В агиографических памятниках аористные формы сохраняют “сильную” позицию и в XVI веке.

Вторая глава – “Семантический анализ претеритарных глагольных форм в старорусских текстах XV-XVII вв.” – состоит из четырех разделов. В *первом* разделе освещаются основные существующие в науке подходы к изучению преобразований в содержательной стороне претеритарной системы древнерусского и старорусского языков; обосновывается

необходимость комплексного изучения совокупного грамматического значения претеритов, формирующегося под влиянием: 1) условий контекста (ближайшее глагольное окружение данной формы, используемые временные актуализаторы); 2) аспектуального своеобразия формы; 3) конкретного лексического наполнения претерита; 4) жанрово-стилевой принадлежности памятника. Во *втором* разделе подробно рассматриваются различные способы реализации в контекстах неисконных грамматических значений форм. Приводимые факты свидетельствуют о том, что инвариантные семантические признаки аориста, имперфекта и перфекта, характеризующие исходную систему форм прошедшего времени, в процессе функционирования претеритов осложняются контекстуальными признаками (хронологическая соотнесенность действий по отношению к заданной точке отсчета, смысловая соотнесенность действий, символические коннотации и т.д.). В *третьем* разделе на основе трех важнейших аспектуальных признаков, релевантных грамматической семантике претеритов: а) предельность / неопределенность, б) длительность / недлительность, в) кратность / не кратность обозначаемых действий – обследуется видо-временная корреляция глаголов прошедшего времени с современными основами совершенного – несовершенного вида. В *четвертом* разделе анализируется лексико-семантическая наполняемость претеритов, вследствие чего претеритарные формы распределяются по трем функционально-семантическим полям – действия, состояния, отношения.

Анализ результатов, полученных в главе II, позволяет заключить, что:

1. Система форм прошедшего времени, содержащаяся в обследованных источниках, используется для выражения разнообразных значений действия. В семантической структуре претеритов выделяются инвариантные семантические компоненты (релевантные грамматические признаки): для *аориста* – однократность (неповторяемость), недлительность, предельность (законченность) действия; для *имперфекта* – повторяемость (многократность); длительность, неопределенность (незаконченность)

действия; для *перфекта* – результативность действия и его актуальность на момент речи. Несмотря на достаточно широкий семантический потенциал, предоставляемый претеритарной системой старорусского языка каждой ее форме, претериты часто “превышают” свою функциональную нагрузку и употребляются в контекстах других форм прошедшего времени – “на равных” с исконными претеритами. К основным факторам (условиям) утраты формами прошедшего времени их исконного грамматического значения относятся:

а) *господствующий в контексте темпоральный фон* (ближайшее глагольное окружение неисконной формы). Например, формы аориста часто функционируют в перфектных контекстах (т.е. выступают формальными заместителями форм перфекта), что становится возможным при непосредственной близости неисконного претерита (аориста) и форм настоящего или будущего простого времен, а также форм императива: **Святыи же рече: кто еси и како прииде ...диаволь же рече: азъ есмь бэсъ и приидохъ к вамъ... власть се дахъ вамъ надъ духы нечистыми** (ПВЦ, XV в.) – действия, обозначенные глаголами **прииде, приидохъ и дахъ**, соотносятся с моментом речи, непосредственно наблюдаются в настоящем, являясь при этом результатом совершенного в прошлом действия;

б) *фонетическая аналогия форм*: в некоторых контекстах нейтрализация семантических различий форм имперфекта и аориста обусловлена сближением звуковых оболочек форм 3 лица единственного числа имперфекта и аористных форм 3 лица множественного числа: **Се пожаловаше посадникъ великого новагорода Дмитрии Васильевич и вси старыи посадники и дахом сию грамоту жалованную в дом святэи троици** (ДВГ, XV в.);

в) *наличие специальных лексических средств* (т.н. лексических уточнителей, экспликаторов, влияющих на характер качественного функционирования

форм). Темпоральный уточнитель (**днесь**) способствует десемантизации аориста, его функциональному сближению с формой перфекта, например, в следующем контексте: **Воспоем благодать твою еже показа нам такова праведника днесь** (ЖАВ, XVII в.) – аористное образование в данном случае обслуживает периферию сюжета, оно никак не связано с общей повествовательной канвой; это своего рода авторское отступление, направленное на описание добродетели святого по отношению к человеку.

В ряде случаев специальными лексическими средствами эксплицируется также имперфектная семантика аористных форм: **Того же месяца сентября в 7 день в четверг на первом часу дни начаша бити из норяду по городу и с троих туров и биша по граду безпрестанно весь день до ночи тако же и наутрие пять часов беспрестани по городу биша и выбиша у града городовыя стены** (ПСБ, XVI в.). Указание на продолжительное действие “выключает” аористное образование от глагола **бити** из ряда однородных форм. Исконные аористы окружения служат для обозначения точечных действий. Они соотносятся с формой **биша** как исходный момент действия (точка отсчета), его начало (**начаша бити**) и конечный результат, итог (**выбиша**). На лексическом уровне оппозиция “мгновенное – длительное действие” поддерживается точной, предельно конкретной фиксацией времени действия исконного аориста, данной посредством хронологической градации “**Того же месяца сентября в 7 день в четверг на первом часу дни**”, с одной стороны, и заключением события неисконного образования **биша** в некий временной промежуток (**безпрестанно весь день до ночи**), с другой.

Действие названных факторов носит универсальный характер: контексты разных форм и различных хронологических срезов изобилуют примерами превышения семантических функций претеритов под влиянием этих условий.

На материале старорусских текстов разной жанрово-стилевой отнесенности можно говорить о том, что семантические изменения затрагивают всю претеритарную систему, причем преобразования перфекта

осуществляются параллельно с разрушением семантической оппозиции аорист / имперфект.

Динамика претеритарных форм носит в анализируемом текстовом массиве стилистически маркированный характер. В целом можно говорить о двух уровнях жанрово-стилевой дифференциации памятников, рассматриваемых сквозь призму своеобразия грамматической семантики претеритов.

На первом уровне разграничиваются книжно-письменные и деловые тексты. Формами-дифференциалами при этом являются аористы в памятниках XV века, семантически более устойчивые в житиях, а также перфекты в текстах XV-XVII вв.: по характеру семантического распределения данных форм жития противопоставляются актам и грамотам в старорусской речи XVI века, а повести – на всех трех хронологических срезах. В корпусе книжно-письменных текстов XV-XVII веков семантически маркированной¹ является только форма аориста. Она обладает высоким семантическим потенциалом, о чем свидетельствуют, с одной стороны, ее одинаковая устойчивость (в плане грамматического значения) в житиях и повестях XV-XVII веков, а с другой – семантическая противопоставленность формам аориста в деловых документах, где они используются абсолютно немотивированно.

Дифференциация на втором уровне осуществляется уже внутри самих книжно-письменных текстов: между агиографическими и художественно-повествовательными памятниками. При этом различительную функцию выполняют формы имперфекта и перфекта в старорусской речи XVI века. Семантическая маркированность имперфектных форм сохраняется также на всем рассматриваемом временном промежутке, однако, в отличие от форм аориста, отмечается уже применительно к одному – агиографическому – жанру, а не всему массиву книжно-письменной речи.

¹ Семантически маркированными признаются формы, в функционировании которых преобладают (с точки зрения вероятностно-статистической методики) словоупотребления с исконными грамматическими значениями.

Вероятно, это говорит о том, что семантически форма имперфекта является более нестабильной (преобразования в области ее грамматического значения обусловлены общей активностью данной формы), зависимой от воздействия письменной традиции, которая в рассматриваемый период явно ослабевает. На основе соотношения форм с исконными и неисконными грамматическими значениями можно говорить о полной семантической нейтрализации форм перфекта в деловых документах и художественно-повествовательных памятниках XV-XVII веков. Относительно устойчивые позиции данная форма занимает лишь в житиях XV и XVI веков.

Учитывая положение форм перфекта в жанрово-стилевой дифференциации рассматриваемых памятников (оба уровня), можно сформулировать следующую тенденцию в семантическом распределении данных форм: в старорусской речи XV в. они кладутся в основу разграничения деловых и книжных текстов, в XVI в. дифференцируют по семантическому признаку памятники всех трех рассматриваемых жанрово-стилевых разновидностей, а в речи XVII в., напротив, объединяют их. Выделенные на основе анализа функционирования в контекстах грамматических форм хронологические рамки, в пределах которых претеритарные формы с семантической точки зрения функционируют относительно устойчиво, могут быть скорректированы с позиции комплексного (многоаспектного) семантического анализа форм.

2. В старорусских разножанровых памятниках XV-XVII вв. отмечается довольно устойчивая видо-временная корреляция простых претеритарных форм: аориста – преимущественно с основами совершенного вида, имперфекта – с основами несовершенного вида. Данное соотношение старорусских форм с современными основами осуществляется посредством трех важнейших аспектуальных признаков, релевантных грамматической семантике претеритов: предельность / неопределенность, длительность / недлительность, кратность / не кратность обозначаемых действий. Формы перфекта, образуясь с одинаковой вероятностью от глаголов обоих видов, в

значительном корпусе рассматриваемых нами памятников (в житиях XVII в. и деловых документах XVI в.) выступают своеобразными функциональными вариантами одновременно аористных и имперфектных форм. Это вполне соответствуют представлению Ю. С. Маслова о “видовой двойственности” перфекта как возможной причине его функциональной экспансии и последующему утверждению в качестве универсальной претеритарной формы [Маслов 1964: 197].

Утрата формами прошедшего времени своих специфических значений, развитие в текстах функциональной синонимии нередко сопровождаются преобразованиями в аспектуальном распределении форм. Так, в одном из контекстов “Повести о взятии Пскова Стефаном Баторием”: **Божиею милостию и царским счастьем и своим боярским и воиводцким домыслом многие языки литовские во град хваташа и пытками доведывашеся** (ПСБ, XVI в.) – грамматически неисконная форма аориста “хваташа”, образованная от основы несовершенного вида, содержит имперфектную семантику множественности. Обозначаемое ею действие, видимо, совершалось одновременно несколькими лицами, о чем свидетельствует лексический актуализатор “многие”. Перед нами случай реализации потенциальной предельности действия “хватати” – оно направлено на достижение результата, но не собственно результативно: неисконный аорист с имперфектной семантикой обозначает постепенное накопление последствий длительно повторяющихся действий. Формы имперфекта, образованные от основ совершенного вида, также в ряде случаев превышают свою семантическую нагрузку, например: **На утрия вскоре наскочиша и бяхуся с греки а турки вскрычашу на них** (ПВЦ, XV в.). Глагол “вскрычашу”, выраженный в контексте формой имперфекта, в семантическом отношении сближается скорее с препозитивным аористом “наскочиша”, а не с собственно имперфектом “бяхуся”. На неравенство по объему семантики действий, обозначенных имперфектными формами, указывают лексические актуализаторы “наутрия” и “вскоре”, подчеркивая

семантику мгновенности в формах “наскочиша” и “вскрычаху” и длительности, процессуальности в исконном имперфекте “вскрычаху”, имеющем в данном предложении дополнительный оттенок следствия, предусмотренный семантикой формы.

Количественные данные свидетельствуют о том, что при сохраняющемся тяготении претеритов к определенной видовой семантике на протяжении XV-XVII вв. изменяется активность форм аориста, имперфекта и перфекта, образованных от глаголов совершенного и несовершенного вида. При этом преобразования в видовом распределении ряда претеритов (формы аориста в житиях XVII в., формы имперфекта в повестях XVII в., а также формы перфекта в книжно-письменных текстах XVII и деловых документах XVI века) непосредственно сказываются на их грамматической семантике. Следовательно, аспектуальные глагольные характеристики, служащие одним из важнейших средств описания действия, способны не только органично вплестаться в ткань совокупной грамматической семантики слова, но и влиять на нее, наряду с другими факторами участвовать в ее формировании, что особенно проявляется на материале поздних старорусских памятников разной жанрово-стилевой отнесенности.

3. Взаимосвязь лексических и грамматических компонентов в структуре претеритов, отмечаемая исследователями применительно к текстам древнерусского периода [Бородич 1951, Терентьева 2008], прослеживается и в старорусских памятниках разных жанров. Механизм осуществления этой взаимосвязи в анализируемых текстах “работает” в двух основных направлениях, которые условно могут быть охарактеризованы как взаимосвязь-соотношение и взаимосвязь-обусловленность.

Первое направление (взаимосвязь-соотношение) выражается в тяготении форм прошедшего времени к глаголам определенного функционально-семантического поля (ФСП), релевантного их грамматической семантике. В целом ряде текстов формы аориста, имперфекта и перфекта коррелируют соответственно с полями “действие”, “состояние” и “отношение”,

воплощающими общую для всех глаголов сему процессуальности: **Святыи же облобыза гробъ господен и изыде из церкви** (ЖИН, XV век); **Он же утаится хотяше равно оному хотяше и страдаше но не подобно бяше свэтилнику под спудом быти** (ЖАМ, XV век); **Се яз князь великы Иван Васильевич дал Воскресенское и Григорьевское селцо и з деревнями** (АИ, XV в.). К числу таких “опорных” форм можно отнести: аористные формы – в житиях XV, XVI вв. и повестях XV – XVII вв., формы имперфекта в житиях XV в., формы перфекта – в деловых документах XVII в.

Второе направление (взаимосвязь-обусловленность) проявляется в более поздних текстах (XVI и XVII вв.) и выражается в тенденции к грамматической десемантизации тех претеритарных форм, которые образуются от глаголов нерелевантных им функционально-семантических полей. Так, образование аористных форм от глаголов ФСП отношения нередко приводит к их десемантизации, выражающейся в наделении аористной формы семантикой перфектности: **Архиепископъ же старца вопрошаше: “откуда и что ради прииде к нам ”**(ЖЗС, XVI в.) или **Святыи же князь Константинъ возгласи им велиимъ гласомъ: “Отцы и братия моя драгая повэдити ми: чесо ради придoste ко мне? ”** (ЖКМ, XVI в.) – формы аориста, обслуживающие прямую речь, находятся в иной “семантической плоскости”, по сравнению с предшествующими им простыми претеритами: они соотнесены с моментом речи (непосредственной ситуацией разговора), а не другими прошедшими действиями, т.е. вынесены за рамки магистрального сюжета.

По мнению В.В. Бородич, “частота употребления отдельных лексико-семантических групп была связана с грамматическим значением формы времени, а через нее – и с жанром текста” [Бородич 1951: 27]. В обследованных нами памятниках формы, реализующие механизм взаимосвязи (в широком смысле) лексических и грамматических компонентов претеритарной семантики, оказываются маркерами

определенного стиля: формы аориста и имперфекта – агиографического и художественно-повествовательного (книжно-письменные тексты), формы перфекта – деловых документов.

4. Комплексный анализ механизмов взаимодействия различных компонентов семантики форм прошедшего времени: видо-временных, с одной стороны, и лексико-грамматических, с другой, – позволяет вычленилть во всей совокупности претеритов “сильные” позиции – формы, максимально стабильные в плане содержания (в широком смысле). К их числу относятся формы аориста – во всех книжно-письменных памятниках (исключение – жития XVII века) и формы имперфекта – в житиях XV века. Лексико-семантическая и аспектуальная мотивированность употребления простых претеритов (прежде всего аориста) в памятниках письменности старорусского периода не позволяет принять точку зрения В. В. Колесова, который, исходя из семантических колебаний всех претеритарных форм, сделал вывод о разрушении исконной претеритарной системы к XIV веку. [Колесов 2005: 256]. На наш взгляд, хронологические рамки этого процесса могут быть скорректированы и продолжены, по крайней мере, до конца XV века.

Работа завершается **заключением**, в котором систематизированы данные о функционировании претеритарных глагольных форм в старорусских памятниках XV-XVII вв. разной жанрово-стилевой отнесенности.

На основе сопоставления данных количественного, структурно-грамматического и многоаспектного семантического анализа можно заключить, что в старорусской книжно-письменной речи простые претеритарные формы устойчиво функционировали вплоть до конца XV века. Это означает, что под влиянием все еще сильной письменной традиции данные формы в житиях и повестях обладали высокой активностью, не обнаруживали структурных аномалий и семантически мотивированно привлекались в контексты. Ослабление к XVI веку влияния письменной традиции проявляется в том, что, несмотря на довольно высокую активность

простых претеритарных форм в повестях этого хронологического среза, формы аориста и имперфекта в структурном и семантическом отношении оказываются крайне неустойчивыми в текстах данной речевой разновидности. Во всем корпусе старорусской речи XVI века лишь в агиографических текстах наблюдается исконное употребление форм – и то только аориста.

Таким образом, простые претеритарные формы являются формами-маркерами книжно-письменных памятников на протяжении всего XV века, а форма аориста – “визитной карточкой” памятников агиографии вплоть до конца XVI столетия. Статус подобной формы – репрезентанты стиля в рассматриваемых деловых документах носит перфект, который в рамках книжно-письменных памятников XV-XVII вв. не столь регулярен, как простые претериты. Однако в старорусских актах и грамотах данная форма чрезвычайно активна и семантически универсальна. За исключением текстов XV века, где формы аориста все же участвуют в организации речевой структуры деловых памятников, старорусские акты и грамоты целиком сотканы из перфектных форм как элементов живой разговорной стихии. Утрата простых претеритов и формы плюсквамперфекта в разговорном языке отражается на их отсутствии в текстах актов и грамот. Никакого “опосредующего” влияния письменной традиции деловые документы не испытывают, поэтому употребление в них форм перфекта не является мотивированным, устойчивым ни в структурном, ни в семантическом отношении.

Перспективы дальнейшего исследования состоят в возможности изучения синтаксического аспекта функционирования претеритов в старорусских письменных памятниках. Его важность обусловлена тем, что особенности семантического распределения форм по контекстам, своеобразии их структуры, важнейшие синтагматические и парадигматические свойства способны рельефно проявить себя только в предложении, т.е. лишь по отношению к другим словоформам. Поэтому

специфика функционирования форм должна быть поставлена в соответствие основным структурно-семантическим типам предложения в старорусском языке.

Основные положения и результаты диссертационного исследования изложены в следующих **публикациях**:

Статьи, опубликованные в изданиях, рекомендованных ВАК РФ:

1. Герасимова И. В. Особенности грамматической семантики претеритов в старорусской письменной речи XV-XVII вв. / И. В. Герасимова // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – Киров: ВятГГУ, 2009. – С. 55 – 59.
2. Герасимова И. В. Аномалии как нарушение грамматических норм употребления простых претеритов в старорусской речи XV – XVII вв. / И. В. Герасимова // Вестник Нижегородского государственного университета. – Н.Новгород: ННГУ, 2009. – С. 254 – 259.

Статьи, опубликованные в других изданиях:

3. Герасимова И. В. Наблюдения над грамматической семантикой перфектных форм глагола в книжно-письменной речи XV-XVII вв. / И. В. Герасимова // Арзамасские педагогические чтения – 2006. – Арзамас: АГПИ, 2007. – С. 49-54.
4. Герасимова И. В. Особенности грамматической семантики претеритов в текстах житий и повестей XV-XVII вв. / И. В. Герасимова // Русская словесность в контексте мировой культуры: Материалы Международной научной конференции РОПРЯЛ. – Н.Новгород, 2007. – С. 112-116.
5. Герасимова И. В. Особенности образования форм простых претеритов в житиях и повестях XV-XVII вв. / И. В. Герасимова // Грамматические единицы: синтагматический аспект: Материалы XVII международной научной конференции. – Владимир, 2007. – С.78-82.
6. Герасимова И. В. Семантическая характеристика грамматических глагольных форм прошедшего времени в житиях и повестях XV-XVII вв. (функциональный аспект) / XI Нижегородская сессия молодых

ученых. Гуманитарные науки. Тезисы докладов. – Н.Новгород; 2007 . – С.34-35.

7. Герасимова И. В. Функционирование глагольных форм прошедшего времени в старорусской повествовательной речи XV-XVII вв. (аспектуальная характеристика на основе вероятностно-статистического метода) / И. В. Герасимова // Альманах современной науки и образование. Языкознание и литературоведение в синхронии и диахронии. Часть I. – Тамбов, - 2007 . – С 71-73.
8. Герасимова И. В. Частотные нормы употребления глагольных форм прошедшего времени в старорусской письменной речи XV века / И. В. Герасимова // XIII Нижегородская сессия молодых ученых. Гуманитарные науки. Тезисы докладов. – Н.Новгород. 2008.